

Башня, черная, круглая и блестящая, вздымалась в небо, в шиферного оттенка небо позднего октября. Топая по пустоши в ту сторону, где за тучами пряталось солнце, Рэйчел с братом видели башню в обрамлении двух деревянных скелетов — ясеней, утративших листву. Под деревьями обнаружилась скамейка, откуда Беверли был как на ладони: крест-накрест пересекающиеся цепочки домов, а над ними — серовато-кремовые, в тон, шпили монументального кафедрального собора.

Николас плюхнулся на скамейку. Но не Рэйчел, в ту пору шестилетняя, восемью годами младше брата, — ей не терпелось подбежать к черной громадине, приблизиться к ней вплотную. Оставив брата отдыхать, она пошлепала по изрытой коровьими копытами грязи к подножию башни, а подойдя, прижала руки к блестящей черной кладке. Не отрывая ладоней от стены, Рэйчел задрала голову, поражаясь огромности башни, ее идеальной округлости, и ей чудилось, что башня опрокидывается назад, в хмурое низкое небо, в котором с протяжными криками нарежала круги стая грачей.

— Что здесь раньше было? — спросила она брата, когда тот подошел к ней.

Николас пожал плечами:

— Кто его знает. Может, мельница.

— Давай заберемся внутрь.

— Все входы заложены кирпичом.

Башню опоясывала деревянная скамья, Николас сел, и Рэйчел устроилась рядом, вглядываясь в его бледно-голубые непроницаемые глаза, и, несмотря на всю их холодность, она думала, как же ей повезло, как посчастливилось, что у нее такой брат, красивый и умный. Она надеялась, что со временем и ее волосы приобретут такой же светлый оттенок, губы — ту же идеальную форму, а кожа — бархатистую гладкость. Рэйчел прижалась к его плечу, но не слишком тесно. Быть надоедливой сестренкой-плаксою ей не хотелось, а еще она не хотела, чтобы Николас с чрезмерной ясностью осознал: в этом чужом и незнакомом городе без брата ей было бы совсем невмоготу.

— Что, замерзла? — Николас глянул на нее сверху вниз.

— Немножко. — Рэйчел чуть-чуть отодвинулась. — Интересно, у них там тепло?

— Конечно. Зачем ехать в отпуск туда, где холодно.

— Жалко, нас не взяли. — Рэйчел вздохнула.

— Не взяли — значит, не взяли. И хватит об этом.

Оба помолчали, и каждый в который раз тщился понять, по какой такой загадочной причине родители уехали без них, да еще в каникулы. Холод давал о себе знать, и Николас вскочил:

— Подъем. Иначе церкви нам не видать, скоро стемнеет.

— Не церкви, а собора, — поправила Рэйчел.

— Что собор, что старая большая церковь, разницы никакой.

Он быстро зашагал по тропе, ведущей к главной дороге; Рэйчел приходилось бежать, чтобы не отстать, но вскоре они сбавили темп, увидев двух человек, двигавшихся навстречу. Один в инвалидной коляске, точнее, одна —

на вид старая-престарая, закутанная в шерстяные одеяла, оберегающие от предвечернего морозца. Лица ее они не видели: голова устало клонилась на грудь, шелковый платок сползал на глаза. Приглядевшись, дети поняли, что старуха крепко спит. Коляску по ухабистой тропе толкал молодой парень в кожаных байкерских штанах и куртке, толкал одной рукой, левую, нагруженную чем-то, он держал на отлете. Что он нес, издалека было не разобрать, но по мере приближения этих двоих «поноска» мало-помалу принимала очертания — и дети вытаращили глаза, — очертания птицы. Догадка внезапно и эффектно подтвердилась, когда «поноска» расправила впечатляющего размаха крылья и медленно ими захлопала — черный силуэт на фоне серого неба, скорее гибридный мифический зверь, нежели настоящая птица; во всяком случае, Рэйчел прежде ничего подобного не видывала.

Николас стоял не шевелясь, Рэйчел крепко стиснула его руку и с облегчением ощутила слабое ответное пожатие, его голая ладонь холодила ее ладошку даже сквозь толстые колючие варежки. Они растерянно смотрели, как парень в мотоциклетной коже ставит на тормоз кресло и что-то говорит птице, в ответ та послушно перелетает с его руки на подлокотник кресла. Высвободив таким образом обе руки, парень сперва позаботился о своей подопечной — поправил одеяла и понадежнее укутал старушку. А потом занялся птицей.

Рэйчел робко подалась вперед, пытаясь увлечь за собой брата.

- Ты куда? — одернул ее Николас.
- Нам ведь надо идти дальше, правда?
- Надо. Но, по-моему, лучше переждать.

Парень достал длинную бечеву с грузилом и медленными, размашистыми движениями принялся раскручивать ее над головой. Главная дорога была пуста, и стоя-

ла такая тишина, что дети отчетливо слышали мерное, с оттяжкой, *всжж* бечевы, рассекающей воздух. Они даже слышали хлопанье крыльев пустельги (теперь они не сомневались, это пустельга), когда птица взлетала, с убийственной меткостью нацеливаясь на мясо, привязанное к концу веревки, но, однако, всякий раз промахивалась, потому что парень уводил добычу у нее из-под носа, демонстрируя чудеса ловкости и быстроту реакции. Упустив мясо, птица падала вниз, почти до самой земли, и, перевернувшись, снова резко набирала высоту, а исчерпав длину своей параболы, зависала в небе на краткий миг и опять с нечеловеческой скоростью и неумолимостью снаряда падала вниз к заветному угощению — лишь затем, чтобы кусок снова в самый последний миг просвистел мимо ее хищного клюва.

После того как этот забавный ритуал повторился несколько раз, Николас с Рэйчел начали потихоньку продвигаться вперед. Парень не двигался с места, размахивая приманкой над головой, и дети благоразумно сошли с тропы, чтобы не попасть под траекторию бечевы. Но сокольничему этого показалось мало. Ни на секунду не отрывая глаз от птицы, он крикнул громко, угрожающе:

— В сторону, черт вас дерит! В сторону!

Но не свирепость окрика изумила детей, а голос — высокий, пронзительный и безусловно женский. И теперь, когда они находились всего в нескольких ярдах от натянутой как струна фигуры, облаченной в кожу, они поняли свою ошибку. Это была женщина — лет тридцати пяти, наверное; впрочем, оба часто промахивались, определяя возраст взрослого человека. Белые впалые щеки в пятнах румянца, волосы острижены до решительного и бескомпромиссного армейского «ежика», уши и нос усыпаны серебряными колечками и гвоздиками, вся шея расписана жутковатой сине-зеленой тату-

ировкой, неведомо что обозначающей. Более страшной женщины Рэйчел никогда не встречала. Даже Николас, похоже, был озадачен. И, словно мало пугающей наружности, голос женщины звенел от возмущения наглостью каких-то детишек, что осмелились вторгнуться на территорию, принадлежащую исключительно ей и птице.

— Вон отсюда! Проваливайтесь! — орала она. — И по-
дальше! Или вы совсем идиоты?!

Николас сжал руку сестры и круто повернул влево, прочь от опасной зоны. Они так торопились, что рванули едва ли не бегом. Лишь ярдов через двадцать дети остановились и оглянулись. Этот миг живой картиной навсегда отпечатается в памяти Рэйчел: Бешеная Птичья Женщина (так она будет ее называть) с яростной энергией и сосредоточенностью раскручивает приманку над головой; птица с несусветной скоростью и напором бросается вниз на добычу и опять взмывает вверх, раздосадованная, но не смирившаяся с поражением; за их спиной черная башня, высокая, неприступная, клонящаяся к горизонту; перед ними — старуха в инвалидном кресле, очнувшись, она жадно наблюдает за птицей, ее ярко накрашенные губы растянуты в восторженной улыбке, и она подначивает пустельгу: «Давай, Табита! Не дрейфь! Хватай мясо! Табита, цап его!»

Собор Рэйчел совсем не понравился. Когда они вошли через северные ворота, направляясь к главному входу, башенные часы пробили четверть пятого, город уже погружался в сумерки. Тонкие ошметки тумана, что весь день плавали по улицам и закоулкам, обволакивали уличные фонари, окружая их мутноватым желтым сиянием. А потом свет потемнел до иссиня-черного и тьма сделалась

столь плотной, что стены собора, к которым нехотя приближалась Рэйчел, были едва различимы — лишь слабое их подобие, намек на высоченную и грозную твердыню. Если на Вествудском лугу, у подножия Черной башни, Рэйчел лишь зябла, то теперь холод пробирал насквозь, безжалостный, неумолимый, и Рэйчел чудилось, будто ее кости обращаются в ледышки. Она дрожала, и сколько ни застегивала свой пуховик, сколь глубоко ни засовывала руки в карманы, набитые фантиками, согреться не удавалось. От холода и недоброго предчувствия Рэйчел едва тащилась, пока и вовсе не замерла на месте, буквально в двух ярдах от входа в собор.

— Что опять? — сердито спросил Николас.

— Нам обязательно туда входить?

— Почему нет? Если уж мы сюда приперлись.

Но Рэйчел медлила. Она не понимала, что с ней творится, но нежелание входить в собор все росло, постепенно мутируя в страх. Николас снова взял ее за руку, но сейчас в этом жесте не было ничего успокаивающего — он тащил ее к дверям.

Секунда, и они переступили порог собора, погруженного во тьму. Точнее, они оказались в маленьком темном притворе и не успели продвинуться дальше, как случилось нечто странное. Они думали, что в этом тесном пространстве они одни, но внезапно и совершенно бесшумно перед ними выросла фигура — вероятно, человек выступил из какого-то темного угла. Его появление было столь неожиданным, а шаги по каменным плитам столь беззвучными, что Рэйчел не сдержалась и вскрикнула.

— Прошу прощения, — сказал человек и наклонился к девочке: — Я тебя напугал?

Мужчина был невысок и внешне довольно необычен: белые, как у альбиноса, волосы, кожа светлая до прозрачности, бровей нет — по крайней мере, Рэй-

чел их не увидела. Одет он был в бежевый дождевик поверх светло-серого костюма, на шее очень широкий коричневый галстук по моде двадцатипятилетней давности, такие носили в 1970-е.

— Чем могу помочь? — Его дружелюбный тон скорее пугал, чем вызывал доверие. Человек слегка пришепечивал, и Рэйчел подумалось, что он шипит по-змеиному.

— Мы просто хотели осмотреть собор, — ответил Николас.

— В собор уже не пускают. Его закрывают в четыре часа.

Теплая волна облегчения окатила Рэйчел. Им не придется заходить внутрь. Сейчас они повернутся и пойдут домой, к бабушке и дедушке, в относительную безопасность их дома. И ночью Рэйчел не приснится кошмар.

— А-а... — разочарованно протянул Николас. — Ну ладно.

Мужчина потоптался в нерешительности.

— Что ж, давайте, — вдруг улыбнулся он и лукаво подмигнул, — побродите там несколько минут. Двери ведь еще не заперты.

— Правда? Это так любезно с вашей стороны.

— Без проблем, сынок. Если кто спросит, скажите, Тедди разрешил.

— Тедди?

— Тедди Хендерсон. Помощник старосты. Меня здесь все знают. — Дети не двигались с места, не будучи уверены в полномочиях нового знакомого. — Ну же, чего вы ждете?

— Отлично. Спасибо!

В один миг Николас исчез за массивной дверью, оставив Рэйчел перед выбором: последовать за ним или дожидаться его в притворе вместе с глумливо улыбающимся мистером Хендерсоном. Да о чем тут раздумывать? Даже